

Отряд выехала за перевал. Вэйнин Хайцзы располагался недалеко от Датун, так что, прищпорив лошадей, до него можно было добраться за полдня.

Ван Чжи взял с собой лишь одного человека по имени Вэй Мао, который, как и Дин Жун прежде, был его доверенным лицом.

Этого Вэй Мао Тан Фань и остальные тоже уже встречали прежде, пару лет назад, когда во время преследования Южной банды вышли на бордель. Вэй Мао был цянху Западной Ограды, ответственным за пытки, и допрашивал хозяйку борделя и ее шайку. Отправившись в Датун, Ван Чжи взял Вэй Мао с собой.

Этот человек был безжалостен, но верен Ван Чжи. Ван Чжи полагался на него, как на собственную руку. Хотя после инцидента с Дин Жуном командующий Ван пересмотрел свое отношение к окружению. Теперь он боялся доверять кому-либо. Один раз змея укусит – десять лет колодезной веревки сторониться станешь.

Суй Чжоу взял с собой двух служащих Императорской Стражи по имени Вэй Шань и Лу Янь. Кроме вышеперечисленных в походе принимали участие Тан Фань, Ду Гуй-эр, Шэнь Гуй, Мэн Цунь, еще один солдат и шарлатан Чу Юньцзы.

Оказалось, что Мэн Цунь входил в число семи выживших солдат, да к тому же был самым высокопоставленным из них.

Увидев Мэн Цуня, Тан Фань на секунду опешил. Тот горько улыбнулся ему:

— Господин Тан, господин Суй, кажется, это судьба!

Помимо него Ван Чжи отыскал еще одного рядового из тех семи выживших.

— Почему ты не сказал, что это он? – повернулся Тан Фань к Ван Чжи.

— Откуда мне было знать, что ты не знал, что это он? – не колеблясь отозвался тот.

Тан Фань продолжал молча сверлить его взглядом, пока не заметил беспокойство на лице рядового. Решив успокоить его, он пошутил:

— Не переживай. В прошлый раз вернулся невредимым – и в этот раз вернешься. На крайний случай здесь полно высокопоставленных чиновников. Если что-то и произойдет, первым убьют не тебя!

Но солдат, вместо того чтобы успокоиться после его слов, испугался еще пуще прежнего:

— Господин, это и правда нехорошее место! В прошлый раз мы смогли вернуться лишь благодаря своевременному приказу офицера Мэна отступать, в этот раз гарантий никаких!

— Ладно, не унывай, – с улыбкой пожурил его Мэн Цунь. – Я вон даже не женился и детей не завел, ты хотя бы род продолжил. Разве мы, солдаты, не должны подчиняться приказам? Что

ты как девчонка ноешь?

Отчитанный, солдат почесал затылок, рассмеялся и ныть перестал.

В прошлый раз Мэн Цунь пострадал от коробки Ду Гуй-эр, и доктор диагностировал ему трещину. Теперь, отдохнув пару дней, он мог обходиться без костылей. Да и ехали они верхом, так что с его ногой все было в порядке.

Про Шэнь Гуя говорить было нечего: лицо его было мрачным, будто только родителей похоронил – вид имел явно неохотный.

Чу Юньцзы, на самом деле, тоже не горел особым желанием ехать. Прежде он слишком много важничал, так что теперь, если бы отказался от поездки, остался бы в Датуне один на один с Ван Юэ, что было не самой приятной перспективой. Хорошенько подумав, он согласился на предложение Ван Чжи и взял с собой кучу всякого хлама, включая киноварь, талисманы и...

Маленькую баночку с черной собачьей кровью.

Все члены отряда были либо вынуждены ехать, либо не имели другого выбора. Единственное исключение составляла Ду Гуй-эр, что отправилась в путь по своей воле.

Обычные девушки ее возраста и финансового положения, избалованные и нежные, сидели дома и стыдливо дожидались замужества, тогда как Ду Гуй-эр постоянно помогала отцу в аптеке и лично водила людей за перевал за травами, доходя до подножия горы Маньхань, что к северу от Вэйнин Хайцзы. Даже для приграничного города с более свободными нравами, чем в Цзяннани и на севере, подобное было редкостью.

С одной стороны, Ду Гуй-эр отправилась в поход, потому что знала дорогу. Она, Шэнь Гуй, Мэн Цунь и рядовой солдат показывали путь и могли сверяться друг с другом, что уменьшало вероятность заблудиться.

С другой стороны, на самом деле, глубоко в сердце Суй Чжоу не особо доверял этой девушке. Ему казалось, что в этом деле не обошлось без Чжунцзинтана. Доказательств у него не было, но Ду Гуй-эр все равно была слишком подозрительной, так что он предпочел держать ее подле себя вместо того, чтобы позволить остаться там, где он не может за ней приглядывать.

Остальные, конечно, объясняли ее присутствие по-другому.

Так, Мэн Цунь с Ван Чжи полагали, что Суй Чжоу заинтересован в Ду Гуй-эр.

Их отряд вышел за перевал и направился на север. Ясное небо над головой, свежий ветерок, яркое солнце, горные вершины – поистине великолепная картина.

Впрочем, у каждого забот хватало и времени любоваться окрестностями не было. Подгоняемые, кони скакали, хоть и не во весь опор, но и не плелись как черепахи.

На подходе к Вэйнин Хайцзы Вэй Шань, что ехал впереди, исследуя путь, подал сигнал рукой. Отряд замедлился.

Повернув коня, Вэй Шань доложил:

— Хайцзы прямо по курсу. Никаких странностей.

И правда, спустя одну палочку благовоний, их глазам открылось огромное, как море, озеро.

В Датуне было крайне мало таких больших озер. Даже зная, что перед ним лишь озеро, любой, первый раз взглянув на него, испустит восхищенный вздох. Неудивительно, почему монголы называли его «Хайцзы» (дитя моря). Для тех, кто прежде никогда не видал моря, и всем сердцем к нему стремился, оно служило своеобразной заменой.

Рябь на его поверхности сверкала на солнце. С шумом взлетела стайка водоплавающих птиц, спугнутых стуком копыт.

Озеро, горы, пышная зелень – тишь да гладь, способная вселить в сердце покой.

И сбить с толку, притупив бдительность.

— Где вы в тот раз столкнулись с песчаной бурей? – спросил Ван Чжи у Мэн Цуня.

— Там, – тот указал на ближний берег озера. – Мы должны были свернуть, преследуя татар, но неожиданно налетел ветер, поднялся песок, небо почернело, раздался звон мечей и копий.

Они уже несколько раз слышали рассказ Мэн Цуня и солдата прежде, чем отправиться в путь, но, прибыв на место, до сих пор не могли до конца поверить их словам: небо было ясным и бездонным, ярко светило солнце, глазам открывалась бескрайняя пустошь.

К северу от озера, конечно, виднелись горные вершина, но до них было далеко. Если бы кто-то решил напасть со стороны гор, его бы легко заметили.

— Даочжан Ли как-то говорил мне, – трясся от страха Шэнь Гуй, – что с его магией татарский двор сможет победить врагов за тысячу ли и уничтожить войска Мин, что и доспехов не останется. Я сначала сомневался, но, услышав о произошедшем с армией Мин, поверил.

— Ты же говорил, что он соорудил какую-то установку? – нахмурился Ван Чжи.

Шэнь Гуй до чертиков боялся демона Ван Чжи. Попав в его руки, он подвергся ужасным пыткам, так что решил, что лучше уж отведет их сюда, чем продолжит испытывать на себе мастерство Ван Чжи. Так он хотя бы мог сохранить свою жалкую жизнь и искупить вину – больше ощущать вкус жизни, что хуже смерти, он не желал.

Благодаря Вэй Мао, цянху Западной Ограды, отвечающему за пытки, Шэнь Гуй узнал, что в мире существуют пытки, не оставляющие следов на теле, но причиняющие нестерпимую боль,

которую хочется немедленно прекратить.

В сравнении с ними магические трюки Ли Цзылуна казались не такими уж и страшными.

— Да-да, – поспешил ответить Шэнь Гуй, услышав вопрос Ван Чжи. – Я действительно так считал, но потом услышал, как кто-то говорил, что даочжан Ли поместил к подножию горы Маньхань какие-то магические артефакты, чтобы создать установку против войск Мин. Что это за артефакты, мне не ведомо. Запомнил лишь слово «установка». Так Вам в прошлый раз и сказал, я не лгу!

Закончив свою речь, он подобострастно улыбнулся Ван Чжи.

— Где эти «магические артефакты»?

Дело было не в том, что Ван Чжи не верил Шэнь Гую: пытки Западной Ограды и немного могли заставить говорить, не то что богатого торговца Шэнь Гуя. Просто слова его были слишком уж фантастичными – поверить в подобное было сложно.

Шэнь Гуй огляделся по сторонам: перед глазами было лишь широкое озеро – ни одного высокого и заметного камня. Его лицо помрачнело:

— Этого... Этого я не знаю. От людей из секты Белого Лотоса слышал, что магические артефакты, вроде как, у озера расположены. Как только поднимается песчаная буря, установка активируется и появляются тысячи всадников...

Он говорил неуверенно, с запинками и постоянно поглядывал на Ван Чжи, боясь, что тот рассердится.

Опасался он не только одного Ван Чжи, но и сидевшего позади на одной с ним лошади Вэй Мао, от рук которого он и претерпел все прежние пытки.

Но делать было нечего. Ван Чжи не доверял Шэнь Гую, так что велел Вэй Мао следить за ним. Одному Шэнь Гую на лошади ехать было нельзя.

Пока они говорили, Тан Фань с Чу Юньцзы отъехали вперед, проскакав более десяти джанов в указанном Мэн Цунем направлении. Издалека было видно лишь, как те перебросились парой слов и повернули обратно.

— На основании слов офицера Мэна и мастера Шэня, этот бедный даос и господин Тан сделали кое-какие выводы, – начал Чу Юньцзы. – Но мы пока не уверены. Нам следует обогнуть озеро и подойти к подножию горы Маньхань, прежде чем сказать точнее.

— Можешь говорить при всех, – вставил Тан Фань.

— Я прежде никогда здесь не был, – продолжил Чу Юньцзы. – Слышал, песчаные бури у Вэйнин Хайцзы не редкость?

Ответила ему Ду Гуй-эр. Она выросла в пограничном городе, так что рассказать могла больше, чем кто-либо другой:

— Не то, чтобы не редкость. Но они проходят обычно лишь ранней весной и в начале осени. Сама я не сталкивалась, но слышала от старших, что порой они бывают настолько сильными, что способны изменять ландшафт. Правда, подобные песчаные ураганы крайне редки, чаще случаются обычные песчаные бури.

Чу Юньцзы кивнул:

— Кто-нибудь из вас слышал что-то о «бредущих стражах преисподней»?

Стоило ему сказать это, как присутствующие переглянулись.

О стражах преисподней все, конечно, слышали. Как следует из названия, это были солдаты подземного мира, что явились забрать отжившее свое души на тот свет.

Однако фраза «бредущие стражи преисподней» была им незнакома.

— Что за «бредущие стражи преисподней»? – спросил Ван Чжи.

Видя их недоумение, Чу Юньцзы не стал испытывать их терпение и объяснил:

— В молодости этот бедный даос преодолел немало гор и рек, странствуя по всей стране. Как-то раз, проходя через окраину окружного центра префектуры Баоань, я наткнулся на пустынную долину, в которой постоянно был слышен топот солдат и ржание лошадей. Местные рассказали мне, что давным-давно на том месте проходила ожесточенная битва Желтого императора (Хуан-ди, мифический правитель Китая и основатель даосизма, 27 вв. до н.э.) и Чию (мифологическое существо, великан-колдун), и то души мертвых не упокоившихся солдат. Никто из услышавших тот шум и вошедших в долину, не вернулся живым.

Этот мир полон тайн и необъяснимых загадок. Никто из присутствующих о подобном не слышал. Суй Чжоу с Ван Чжи восприняли сказанное спокойно, но вот Мэн Цунь с Ду Гуй-эр выглядели как громом пораженные.

— С тех пор, как прибыл в Датун и услышал об исчезновении солдат, – продолжал Чу Юньцзы, – этот бедный даос раздумывал над случившимся. Однако на этот раз обстоятельства несколько иные: здесь не долина, да и никаких древних битв не проходило, так что я не озвучивал свои предположения до тех пор, пока не услышал, как господин Тан сказал, что гора Маньхань когда-то была частью государства Цзинь (чжурчжэньское государство, 1115-1234)...

Он перевел взгляд на Тан Фаня, который тотчас подхватил:

— Когда монголы двинулись на юг и захватили государство Цзинь, в провинции Фэнчжоу проходила жестокая битва, унесшая множество жизней. Государство Цзинь потерпело сокрушительное поражение и отступило на юг. Если не ошибаюсь, поле боя должно располагаться в районе горы Маньхань.

— Тогда все сходится, – заключил Чу Юньцзы.

— Что за бред? – Ван Чжи не мог поверить своим ушам. – Откуда здесь среди бела дня взяться не упокоенным душам? Мир и покой! Тишь да гладь! С чего вдруг призракам невтерпеж стало вылезти? Да и к тому же, у обид есть причина, а у долга – должник. Если это и правда призраки Цзиньских солдат, то должны нападать на татар! Татары – потомки монголов!

Заметив страх на лицах Шэнь Гуя и Ду Гуй-эр, Тан Фань не смог сдержать улыбки:

«Не волнуйтесь, я не это хотел сказать. Ли Цзылун не более чем даосский кудесник. Разве ему под силу привлечь сюда призраков и духов? Шэнь Гуй же только что сказал, что слышал, как люди из секты Белого Лотоса упоминали какую-то установку. Видимо эти «бредущие стражи преисподней» как-то с ней связаны. Слова даочжана Чу Юня никак не противоречат этому факту, а наоборот, дополняют его.

В данных ситуациях есть кое-что схожее. Во-первых, и тут и там проходили жестокие битвы. Во-вторых, поблизости нет ничего, кроме гор и камней. Все это, должно быть, как-то связано с установкой Ли Цзылуна.

Мы упомянули об этом не для того, чтобы напугать вас, а для того, чтобы вы видели более полную картину. Чем больше мы узнаем, тем больше шансов на благоприятный исход будем иметь».

Выражение его лица было мягким, серьезным и терпеливым:

— По правде говоря, изначально мы с даочжаном Чу Юнем собирались переговорить с командующим Ваном и главой Двора Суй наедине, но решили, что коли уж мы все здесь, теперь мы товарищи в жизни и смерти. Я не хочу, чтобы сокрытие информации стоило вам жизни, так что честно рассказал обо всех предположениях. Если мы и правда встретим этих «бредущих стражей преисподней», о которых говорил даочжан Чу Юнь, не паникуйте: за эти годы немало последователей секты Белого Лотоса пало от наших рук, и многие из них научились парочке трюков у Ли Цзылуна, но это их не спасло, все превратились в прах. Этот раз не станет исключением.

Ван Чжи ни за что не согласился бы раскрывать всем столь важные подробности, но теперь было поздно останавливать Тан Фаня: тот уже все рассказал.

Однако проникновенная речь Тан Фаня несколько всех успокоила, прежний страх прошел, лица постепенно разгладились.

Ван Чжи искренне презирал Ду Гуй-эр и прочих проводников, полагая, что те нужны лишь, чтобы прокладывать путь, и не должны знать подробностей цели их похода, но Тан Фань так не думал.

Иногда незнание не только не помогало совладать со страхом, а наоборот, усугубляло его и способствовало распространению паники. Коли им суждено разделить невзгоды, лучше выложить все как есть, чтобы ни у кого не осталось сомнений, а не нагонять туману.

Лучше иметь дело с Ли Цзылуном, который пользуется преимуществами поля, на котором проходило древнее сражение, чтобы соорудить установку, задерживающую войска Мин, чем с Ли Цзылуном, который способен вызывать ветер, дождь и призраков.

Слова Тан Фаня оказались действенными. По крайней мере, теперь все начали ломать голову над тем, как сломать установку. Даже рядовой, что пришел вместе с Мэн Цунем, больше не выглядел таким напуганным, как прежде.

Однако то, как долго будет сохраняться оказанный сей речью эффект, зависело от того, как долго они будут искать эту установку.

Но, к сожалению, так называемые «бредущие стражи преисподней» так и не появились, а вокруг не видно было ничего похожего на установку. Если бы не слова Чуй Юньцзы и Тан Фаня, Ван Чжи решил бы, что Шэнь Гуй их дурачит.

Нервы каждого были напряжены до предела: они давно готовились столкнуться с предсказанными ужасами, но вокруг царил мир и покой, ничего не происходило. Вэйнин Хайцзы выглядел, будто миллионы дней и ночей так пролежал и не собирался меняться лишь из-за прибытия Тан Фаня и его отряда.

К северу от Вэйнин Хайцзы равнина постепенно начала сужаться, дальше шла долина, слева от которой тянулась бесконечная горная гряда Маньхань.

Когда они достигли подножия горы Маньхань, небо почернело, а дорога впереди погрузилась во тьму. Двигаться дальше было бы неразумно. Отряд расположился на ночлег на северном берегу озера, чтобы наутро отправиться обыскивать подножие горы.

Мэн Цунь с Вэй Шанем развели костер, а все остальные занялись лагерем. Даже Ду Гуй-эр помогала. Тан Фань не важничал своим статусом гражданского чиновника, но после того, как неосторожно опрокинул кастрюлю с водой, смущенно потирая нос, отошел в сторонку, чтобы не путаться под ногами.

Он слонялся тут и там от нечего делать, когда заметил Суй Чжоу с Ван Чжи, сидящих у озера и натирающих свои клинки. Подойдя поближе, он с любопытством уставился на позолоченную саблю в руке Ван Чжи.

— Ты же не из Императорской Стражи. Откуда у тебя такая же весенняя позолоченная сабля*?

— Слыхал о происхождении весенней позолоченной сабли? – ответил вопросом на вопрос Ван Чжи.

— Хочешь испытать меня? – улыбнулся Тан Фань. – Говорят, название «весенняя позолота» было дано императором-основателем и берет свое начало из строк «Расшитые золотом одежды по весне близки к Сыну Неба, а яркие одежды чиновников каждый день спешат к родительскому дому». Олицетворяет отношения между Императорской Стражей и Сыном Неба, но неизвестно, правда это или нет.

На самом деле, император-основатель был полуграмотным и, вероятно, Четыре книги и Пять классических произведений даже в глаза не видел. Разве он мог сочинить столь метафоричное название? Скорее всего, все это были выдумки потомков. Такой человек как император-основатель не дал бы подобного имени оружию.

Тан Фань считал, что его придумал Лю Бовэнь, Сун Лянь или какой другой поэт и чиновник ранней династии Мин.

— Я спрашивал о происхождении не названия, а сабли, – покачал головой Ван Чжи.

— Этого я не ведаю, прошу командующего Вана просветить меня.

— Он не знает, но ты-то должен знать? – Ван Чжи перевел взгляд на Суй Чжоу.

— Сабля Тан, – неторопливо бросил тот.

— Кажется, ты все-таки кое-что знаешь, – надменно произнес Ван Чжи.

Суй Чжоу не хотел с ним связываться, лишь опустил голову, продолжая натирать лезвие.

— Позолоченная весенняя сабля произошла от сабли Тан, – объяснил Ван Чжи, – но намного легче. Ею можно рубить, резать и колоть, использовать одной рукой или двумя. Прекрасно подходит для путешествий.

Обратив внимание, как высоко тот отзывается о позолоченной весенней сабле, Тан Фань улыбнулся:

— Я думал, ты предпочитаешь простой или гибкий меч, не ожидал, что это будет сабля.

Хотя внешность у командующего Вана была довольно феминной, человеком он был по натуре жестким. Большинство евнухов предпочитали сидеть во дворце, борясь за власть и богатство, тогда как он выбрал уехать далеко за Великую стену, что уже делало его на голову выше прочих евнухов. Неудивительно, почему ему нравилась смертоносная позолоченная сабля.

— Меч – удел благородных, – мрачно усмехнулся Ван Чжи, – а этот командующий – мерзавец, так что предпочитает саблю!

Он не только себя мерзавцем назвал, но и Суй Чжоу за собой утащил. Разве его слова не означали, что все, кто используют сабли, мерзавцы?

Тан Фань не знал, плакать ему или смеяться.

К счастью, Суй Чжоу был не из тех, кто обращает внимание на шутки, иначе эти двое были бы совершенно несовместимы и без конца ссорились.

Суй Чжоу лишь молча бросил на Ван Чжи холодный взгляд.

Подобное отношение «мне лень с тобой разговаривать, и я не желаю опускаться до того, чтобы с тобой спорить» вскоре наскучило Ван Чжи. Скривившись, он поднялся, оттряхнул пыль и, бросив Тан Фаню: «Как ты терпишь этого парня?», – отправился болтать с Вэй Мао.

Когда тот ушел, Суй Чжоу поднял голову и торжественно взглянул на Тан Фаня.

Тот решил было, что он хочет сказать что-то о Ван Чжи, но Суй Чжоу произнес:

— Дорога была слишком тихой. Что-то здесь не так.

— По правде говоря, я тоже думаю, что это странно. Если у подножия горы действительно находится какая-то установка, то как и когда она активируется? По словам Шэнь Гуя и Мэн Цуня, каждый раз, как она активируется, окружающий мир будто меняется, летит песок, камни, но я не верю, что Ли Цзылун способен на подобное. Если бы это было так, ему не нужно было бы прикрываться магией, чтобы спрятаться и бежать в пустыню к татарам.

Наедине с этим человеком, Тан Фань не колеблясь высказывал свои предположения, не боясь подорвать ничей боевой дух.

— Мне тоже это кажется странным, – кивнул Суй Чжоу. – Шэнь Гуй сказал лишь, что есть какая-то установка, но он не знает, что она из себя представляет, да и рассказ Мэн Цуня какой-то слишком расплывчатый. Сложно собрать все в одну картину.

Тан Фань усмехнулся, придвинулся ближе к Суй Чжоу и произнес так тихо, чтобы лишь тот услышал:

— Подозреваю, что среди нас есть шпион секты Белого Лотоса.

Теплое дыхание обожгло ухо Суй Чжоу, заставив его ощутить легкий зуд.

Какое-то неуловимое чувство проникло ему под кожу и добралось до самого сердца.

Со стороны казалось, что эти двое так близко друг к другу, что их головы почти соприкоснулись.

Заметив столь несвойственную ему рассеянность, Тан Фань обеспокоенно спросил:

— Что такое?

— Ничего. Как думаешь, кто это?

— Если скажу, что это барышня Ду, ты мневеришь?

— Поверю.

— Я думал, – усмехнулся Тан Фань, – ты засомневаешься из-за ее сердечной привязанности к тебе.

— Мое сердце давно отдано другому человеку, а второго у меня нет, – равнодушно бросил Суй

Чжоу.

Тан Фань первый раз слышал, как тот признается в своих чувствах к кому-то, и несколько опешил:

— Тебе кто-то нравится? Что это за барышня? Я ее знаю?

— Знаешь, - Суй Чжоу поднял на него многозначительный взгляд.

Тан Фань ни за что бы не признался, что, услышав эту новость, ощутил не радость, а какое-то странное смешанное чувство.

Но виду не показал, отпустив шутку:

— Красивая?

— Да**.

Как уверенно...

Уголок губ Тан Фаня дернулся. Он и не знал, что вечно равнодушный и невозмутимый граф Суй может оказаться настолько одержим любовью.

— Красивее, чем барышня Ду и твоя двоюродная сестра Цяо? - любопытствовал он.

— Угу, красивее их обеих.

— Я точно ее знаю? - на лице Тан Фаня читалась растерянность. - Если она такая красавица, я бы ее запомнил!

— И знает о моих чувствах, но отказывается смотреть правде в глаза и признавать это, - скривил губы Суй Чжоу.

Подавив странное чувство в груди, Тан Фань пошутил:

— Так значит, застенчивая красавица?

— Угу, и, как и ты, любит поесть.

Тан Фань: «...»

— Что такое?

— Ты же не мог... влюбиться в А Дун, верно?

— ...Почему ты вообще подумал об этом?

— Девушка. Любит поесть. Я ее знаю. Кажется, это может быть только А Дун.

Вечно спокойное, лицо Суй Чжоу непроизвольно дернулось.

Спустя некоторое время он смог выдавить из себя лишь:

— Это не А Дун.

— А? Тогда кто же? – господин Тан крепко задумался.

— Палаток мало, на всех не хватит. Ночевать будешь со мной, – Суй Чжоу легонько похлопал его по поясу, не спрашивая, а утверждая.

— Угу... ладно, – рассеянно отозвался Тан Фань, все еще раздумывая над предыдущим вопросом.

Видя это, Суй Чжоу молча вздохнул.

Вода камень точит, любовь любит тишину... Но, кажется, пришло время все прояснить!

На природе едят как придется. Никто не желал тратить время на ловлю рыбы в озере, все просто перекусывали сухим пайком, запивая его кипяченой водой.

Кому-то сухой паек казался слишком черствым, и он размачивал его в воде. Многие солдаты, вроде Мэн Цуня, поступали так в походах.

Но Ду Гуй-эр к такому была непривычна. Она росла, не заботясь о пропитании и одежде, и прежде никогда не ела столь грубой пищи. Попробовав, она подавилась и поспешила сделать пару глотков воды, чтобы восстановить дыхание, после чего с тоской уставилась на сухой паек в своих руках.

Внезапно перед ней возникла чья-то рука.

На протянутой ладони лежала горсть сушеных красных фиников.

Глаза Ду Гуй-эр загорелись.

Это была ее любимая закуска, но она позабыла взять их с собой в поход.

Взглянув на севшего подле нее человека, Ду Гуй-эр вежливо поблагодарила его и взяла пару штук.

— Большое спасибо, господин Тан.

— Бери все, у меня еще есть. Не стесняйся. Не привыкла к сухому пайку? – участливо спросил Тан Фань.

— Да, – несколько смутилась Ду Гуй-эр. – Кажется, я слишком избалованная.

— Да что ты! Такая девушка, как ты, заслуживает восхищения, – рассмеялся Тан Фань, а затем проговорил, понизив голос: – По правде говоря, я тоже к нему не привык, поэтому взял с собой

еще кое-что.

Он жестом фокусника вынул из рукава маленький сверток и передал его девушке.

Ду Гуй-эр развязала его и изумленно ахнула:

— Курага, миндаль и грецкие орехи?

Она никак не ожидала, что Тан Фань будет носить с собой любимые лакомства молодых девушек.

Тан Фань вложил сверток ей в руку:

— У меня еще есть, бери.

— Вы тоже любите подобное? – спросила она, склонившись к Тан Фаню.

— Ага. Люблю набить рот от скуки. Когда думаешь о чем-то, легко проголодаться, так что постоянно ношу с собой, – с улыбкой отозвался тот.

Благодаря закускам они быстро сблизились.

Знакомство Ду Гуй-эр с Тан Фанем ограничивалось лишь парой встреч в аптеке. Только теперь она обнаружила, что тот, оказывается, очень интересная личность.

— Неудивительно, что такой человек, как брат Суй, считает тебя близким другом! – улыбнулась она, поджав губы.

— Человек, как брат Суй? – Тан Фаню, кажется, было очень интересно, каким она видит Суй Чжоу.

— Брат Суй довольно холоден и мало говорит, легко отпугивает от себя людей. А потому, когда заметила, как он беспокоится о тебе, мною овладело любопытство, – честно призналась Ду Гуй-эр.

— На самом деле, с ним не так уж и сложно сблизиться. У него холодная наружность, но теплое сердце, – улыбнулся Тан Фань.

— Да, – Ду Гуй-эр лукаво глянула на него, высунув язык, – но на первый взгляд он кажется уж очень нелюдимым и пугающим до дрожи. Кто захочет сближаться с ним?

— Вот потому мой добрый друг и не женат до сих пор. Если знаешь хорошую девушку, желающую выйти замуж, познакомь его, пожалуйста, а то останется одиноким до конца своих дней, – рассмеялся Тан Фань.

Ду Гуй-эр вспыхнула, но все же покачала головой:

— Вы неправильно поняли. Боюсь, сердце брата Суй уже занято.

Услышав эти слова, Тан Фань ужасно расстроился: кажется, все в целом мире, кроме него, знали про влюбленность Суй Чжоу!

— Правда? И что за барышня ему нравится?

— Я не знаю, просто чувствую, как женщина. Но ведь ты так близок с братом Суй, почему сам его не спросишь? – с улыбкой отозвалась Ду Гуй-эр.

На самом деле, поняв, что сердце Суй Чжоу, кажется, уже занято, она была разочарована. «Я столько лет не могла найти того, кто придется мне по сердцу, а как нашла, оказалось, что он занят!». Однако у Ду Гуй-эр остались хорошие впечатления о Суй Чжоу, все-таки она не успела без памяти влюбиться в него. Да, она была разочарована, но не до такой степени, чтобы чувствовать себя слишком потерянной.

— Он как закупоренная тыква, – покачал головой Тан Фань. – Я был бы рад, если бы он поделился со мной.

— Должно быть, это сокровенная тайна, – задумчиво протянула Ду Гуй-эр через некоторое время. – Что-то, о чем не удобно говорить с тобой?

Сокровенная тайна?

Неудобно говорить?

Обдумав слова Ду Гуй-эр, Тан Фань пришел к шокирующему выводу.

Неужели...

Неужели Гуанчуаню нравится его старшая сестра Тан Юй?

Послесловие автора:

© Байду говорит, что стражи преисподней (閻羅) взяты из «Заметок о расхитителях гробниц» (сейчас байду этого уже не говорит)...

Это не так. Это явление, о котором все наверняка слышали, хоть оно и не особо распространено. Помимо стражей преисподней на полях древних битв, кто-то видел шествие придворных дам ночью в Запретном городе. На самом деле, они тоже своего рода «стражи преисподней». Природное это явление или души умерших – тут мнения расходятся ~

Не стоит винить господина Тана в том, что до него долго доходит. Мало кто задумывается о том, что ему могут нравиться мужчины. У господина Тана в сердечке уже что-то зародилось, но он не хочет это признавать ~

Примечания переводчика:

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) бесплатно доступна уже 97 глава.

Платные главы в группе всего за 100 руб./мес.

* – Да, я перепутала меч и саблю, с кем не бывает?) В предыдущих главах исправлю когда-нибудь. У СЧ и ВЧ сабли, а не мечи!

** – в разговоре с Тан Фанем Суй Чжоу говорит о «человеке, который ему нравится» в мужском роде, просто «он» (他, tā) и «она» (她, tā) на китайском звучат одинаково, можно различить только на письме. Постаралась передать, как могла.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2447318>